

что еслибы онъ былъ живъ, то пріѣхалъ бы или прислалъ за мною. Онъ бы не прожилъ столько лѣтъ въ разлукѣ со мною и не подавая о себѣ вѣсти. И я еще сильнѣе уважаю и люблю его за то, что онъ пожертвовалъ своей жизнью. Стю ли я того, что двое такихъ благородныхъ людей рисковали изъ-за меня жизнью!

— Вы для меня дороже всего міра, Стелла,—нѣжно отвѣчалъ Лашмеръ,—а Несторіусъ сказалъ мнѣ, что вы замѣчательная писательница.

— Мистеръ Несторіусъ слишкомъ добръ.

— И онъ просилъ васъ быть его женой—онъ, котораго всѣ женщины обожаютъ—и вы отказали ему. Почему вы отвергли такого человѣка, Стелла?

Она молчала; щеки ея вспыхнули, а рѣсницы опустились.

— Почему, Стелла, почему?—приставалъ онъ.

— Потому, что я любила васъ,—отвѣчала она прерывающимся голосомъ.—Васъ, который, казалось, такъ далеко отъ меня и такъ жестокъ!

— Но который все время страстно любилъ васъ, Стелла, любилъ васъ и боролся съ своей любовью, хотѣлъ быть умнѣ судьбы. Еслибы вы знали, какъ я старался влюбиться въ лэди Кэрмино, вы бы поняли, какъ могущественно другое вліяніе, отвлекавшее мои мысли отъ нея.

Тѣмъ временемъ они подошли къ лавкѣ мистера Чапмана.

— Другого входа нѣтъ,—сказала Стелла:—вамъ ничего пройти черезъ лавку?

— Я очень радъ. Я никогда не видывалъ такой лавки,—засмѣялся Лашмеръ.

Онъ долженъ былъ немного наклонить голову, чтобы не задѣть сокровищъ, висѣвшихъ съ потолка въ сѣткахъ: свиного сала, свѣчь, лука, лимоновъ.

— Что за милая лавочка!—воскликнулъ онъ.—Она напоминаетъ каюту управляющаго на моей норвежской яхтѣ.

Стелла провела его въ пріемную, священное убѣжище, которымъ рѣдко пользовались по утрамъ. Семья Чапмана пила четырехчасовой чай въ кухнѣ.

Стелла пошла къ нимъ и сказала, что лордъ Лашмеръ пріѣхалъ поблагодарить ихъ за доброту, и что милэди желаетъ, чтобы она вернулась въ замокъ.

— Я думаю, что оставлю васъ сегодня вечеромъ или завтра поутру,—застѣнчиво прибавила она:—но я никогда не забуду